

ИНЕССА ГАНКИНА

ПЛОСКОСТИ ВРЕМЕНИ

СТИХИ И ПРОЗА

Инесса Ганкина

Плоскости времени. Стихи и проза

«Издательские решения»

Ганкина И.

Плоскости времени. Стихи и проза / И. Ганкина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851487-6

Перед вами книга, состоящая из трех разных по жанру частей, объединенных личностью автора. Первая — история взросления девочки (автора) с элементами психологического анализа. Вторая — эссе о культуре и языке, основанная на личных впечатлениях и профессиональных знаниях автора. Третья часть — поэтические тексты последнего периода. Книга содержит около ста иллюстраций: фотографии из семейного архива, материалы Википедии, уникальная компьютерная графика Веры Готиной.

ISBN 978-5-44-851487-6

© Ганкина И.
© Издательские решения

Содержание

От первого лица. Попытка предисловия	6
МГНОВЕНИЯ	8
Часть 1. Семейный альбом	9
Вступление	10
Глава 1. У порога	11
Глава 2. Обрыв	12
Глава 3. Книжная полка	14
Глава 4. Мама	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Плоскости времени Стихи и проза

Инесса Ганкина

Автор компьютерной графики и части фотографий Вера Кузьминична Готина

© Инесса Ганкина, 2017

ISBN 978-5-4485-1487-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От первого лица. Попытка предисловия

Любой автор, представляя на суд читателя свою книгу, надеется на диалог. Проблема понимания заключается в зазоре между смыслами автора и смыслами читателя. Величина этого зазора зависит от возраста, личного опыта, убеждений и оценок читателя. С одной стороны, ни одно из прочтений не будет полностью адекватно смыслу автора. С другой – авторский смысл – это всего лишь один из многих.

Невзирая на трудности, автор надеется на плодотворную коммуникацию с читателем. Мало этого, автор предполагает и ждет такого понимающего соавтора-читателя.

Кто же идеальный читатель данной книги?

Человек, которому интересно отражение исторических событий XX века в истории конкретной семьи. Человек, размышляющий над проблемами становления человеческой личности, психологией ребенка. Именно он является предполагаемым читателем первой части книги. В «Семейном альбоме» делается попытка не только рассказать историю маленькой девочки (историю жизни автора), но и осуществить профессиональную психологическую интерпретацию событий. Эта интерпретация в некоторой степени обусловлена двадцатилетним профессиональным опытом автора – практического психолога. По жанру первая часть книги является документальной повестью с элементами психологического анализа и поэтическими вставками по ходу развития сюжетной линии.

Вторая прозаическая часть книги «Звенья цепи» посвящена отношению к языку как факту культуры и личного опыта. Тема продиктована культурологическим образованием автора, с одной стороны, и богатым опытом путешествий по разным частям земного шара – с другой. Этот опыт охватывает почти сорок лет жизни и в соответствии с теперешней политической картой включает более двадцати пяти стран. Далеко не все впечатления стали содержанием эссе «Язык», но все они подкреплены краткими научными данными, изложенными в доступной форме. Поэтические вставки позволяют окунуться в эмоциональный мир автора, т.к. эти тексты создавались в разные периоды жизни непосредственно как путевые заметки либо сразу после путешествий. Эта часть будет интересна путешественникам, любителям культуры и языка.

И, наконец, третья часть книги – это поэтические тексты последнего периода. В них попытка осознания актуальных событий, но не только. Это – живой мир человеческой души. Ее читатели – любители и ценители современной поэзии.

Каждая часть книги содержит большое количество иллюстраций. На страницах первой части размещены фотографии из семейного архива – визуальный портрет прошлого века (самые ранние относятся к концу двадцатых годов). Вторая часть сопровождается фотографиями, в том числе авторскими, и справочным иллюстративным материалом из открытых источников, позволяющими разобраться в научной информации, а также раскрыть образную структуру текста. Третья часть книги оформлена рисунками Веры Готиной и фотографиями автора. Этот изобразительный материал носит образный субъективный характер.

Время сказать спасибо всем, кто не просто помог подготовить книгу к печати, а фактически стал моими соавторами. Художник, музыкант и композитор Вера Готина, чьи рисунки украсили третью часть книги, а художественный вкус помог оформить две остальные части.

Моя давняя подруга, стиль-редактор и поэт Галина Андрейченко, не просто вычитала книгу с точки зрения ошибок и опечаток, но предложила ряд важных стилистических изменений, сделавших книгу лучше, а мысли, изложенные в ней, яснее.

И, наконец, моя семья, разбросанная по всему миру. Именно ее история рассказана в «Семейном альбоме».

Светлой памяти моей матери – Розы Кабак (урожденной Чунц), отца – Хаима Кабака, тети – Ривы Ганкиной (урожденной Чунц), дяди – Арона Ганкина, их сына – Бориса Ганкина, всего многочисленного старшего поколения большой семьи Чунц, Ганкиных, Немцовых посвящается эта книга.

Я рада, что одними из первых читателей книги стали Маргарита Мордухович (урожденная Ганкина) – моя сестра, Лена Мордухович – моя племянница, Маргарита Ганкина (урожденная Немцова) – жена Бориса Ганкина и все остальные ныне здравствующие члены семьи.

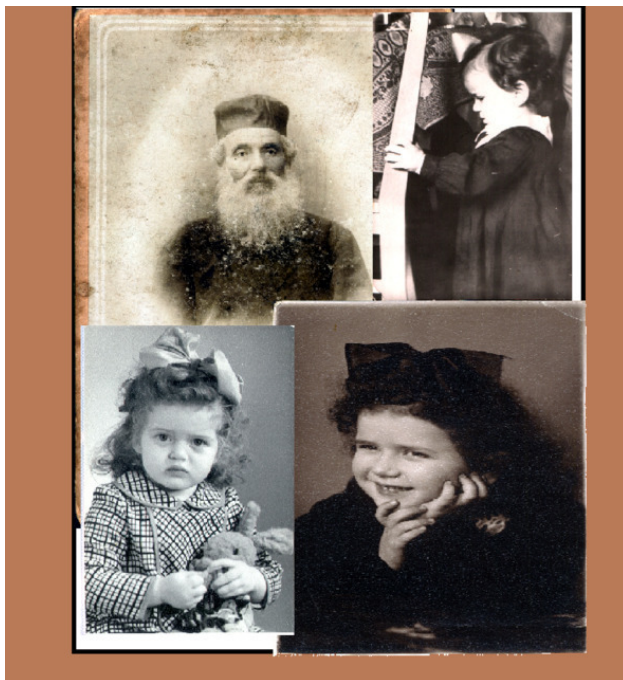
Особую роль в моей жизни, а значит и в творчестве, играет муж – Дмитрий Симонов, первый читатель, доброжелательный и в то же время самый строгий критик. Он стимулирует меня к постоянной работе над словом, а главное – над мыслью, которая ищет свое словесное воплощение.

Книга ждет читателя. Я надеюсь, что он – этот читатель – существует!

МГНОВЕНИЯ

Часть 1. Семейный альбом

Вступление

Перевести дух. Маленькой ложечкой разрезать вафлю, покрытую легким сливочным мороженым, лениво наблюдая, как на паркете летнее солнце оставляет темные движущиеся пятна веток, запутавшихся в шелесте листвы. И вдруг почувствовать, что это пришло...

А как прекрасно начинался день – первый отпускной! Точнее, он раскрылся ароматным цветком свободы еще прошлой ночью. Воскресно-вечернее посасывание под ложечкой – «завтра рано вставать» – сменилось блаженным необязательным ритмом длинных летних преподавательских каникул, когда день можно легко перепутать с ночью, а чтение из повседневной обязанности становится по-детски вкусной конфетой или мороженым – почти запретным плодом.

А потом был длинный, невзирая на позднее пробуждение, день: ласковое бурчание мужа сопровождали легкие, как летний туман мысли о планах, которые можно было отложить на... Ну хотя бы на следующую неделю.

Ближе к вечеру по привычному маршруту они отправились в старый городской парк. И там, сидя за столиком летнего кафе и пытаясь прожевать опасно похрустывающую на коронках пищу, она заметила ее... Вернее сказать, их – маленьких детей, карабкающихся на скамейки, испуганно выглядывающих из цветных коробочек каруселей, их – маленьких владельцев нового века. И, беспечно направляя в эти лица объектив фотоаппарата, она почувствовала, что это пришло...

Минск. Парк Горького. Колесо обозрения. Фото автора.

И сейчас, дома, детство, ее собственное детство не просто мелькнуло, а навалилось, почти задушило полузабытыми цветами, запахами, вкусом вафли из брикета с ностальгическим названием «Двадцать копеек». Она поняла невозможность отложить на завтра, спрятаться или оттолкнуть... Она приняла этот груз – светлый и печальный, груз собственных воспоминаний. Приняла и включила компьютер – и текст потек между пальцами, оставляя следы на экране, и волна прошлого накрыла ее с головой.

Глава 1. У порога

Первое воспоминание легким облаком или темной тучей лежит на пороге человеческой жизни – чуть заметная преграда на привычном маршруте, бугорок на пути. Но однажды замеченное боковым зрением, препятствие попадает в фокус нашего самосознания и, возможно, отвечает на извечный вопрос о природе нашего «Я».

Глубина погружения в прошлое у каждого своя. Мальчик помнит небо с протянутыми через него шариками, покачивание коляски и невозможность освободить руку, чтобы схватить и присвоить эту разноцветную подрагивающую гирлянду. Целая жизнь отделяет этот момент от сегодняшних попыток покорить враждебный ускользающий от контроля взрослый мир. Целая жизнь или только один шаг продолжительностью в полстолетия? Кто знает, откуда вырастает дерево характера, что на самом деле питает его корни?

Она часто вспоминала раннее детство, перебирала немногие сохранившиеся фотографии, пытаясь ответить на эти вопросы. На эти и на многие другие. Жизнь вообще задает много вопросов, из их беспорядочного вороха человек выбирает свои, и именно они определяют направление роста. А наше сегодня – это всего лишь один из актуализированных вариантов ответа. Ответы способны изменяться и углубляться, образовывать воронки и течь вспять, а вопросы висят на стенах нашего жилища мстительными богами, ждущими своего часа, чтобы, опустившись у изголовья бессонной ночью, потребовать полного отчета. Некоторые называют его муками совести. Она предпочитала говорить о радости – радости само-, а дальше подставьте любое пришедшее на ум окончание «сознание», «утверждение» и прочие философские слова, неточно описывающие загадочную человеческую душу.

Инесса Кабак (Ганкина). Конец 50-х годов XX века. Фотография из семейного архива.

Наверное, уже достаточно стоять у порога, наведем же фокус и сделаем неуверенный шаг.

Глава 2. Обрыв

Сразу за домиком был обрыв. Крутой склон вел к желтому песку, цветным камушкам, перламутровым раковинам и серо-голубому мутно-прозрачному прибою неласкового Балтийского моря. Оно обжигало маленькую розовую ногу, заставляя прятаться в сыпучем одеяле нежного песка.

Так проходило четвертое или пятое лето жизни.

Первое лето, когда вспышки воспоминаний напоминают не мгновенные фотографии, а обрывки отснятого фильма. Начало и конец перепутаны, характеры героев смутны, но можно бесконечно вглядываться в пейзажи, вдыхать терпкие волнующие запахи, читать по губам и жестам, тоскуя о навсегда потерянном дне.

Спускаться страшновато, карабкаться вверх тяжело, но рука отца была всегда рядом. Не приходилось вымаливать, жалобно по-щенячьи повизгивая или агрессивно требуя, – все приходило само. Потом она прочла про базисное доверие к миру и вспомнила поросшую темными волосами отцовскую руку, сопровождавшую ее короткое, безутешно оборвавшееся детство, вспомнила, и тепло любви накрыло ее теплым одеялом мелкого балтийского песка.

И даже ежедневные прогулки с тремя кастрюльками из непривычного алюминия (он тогда только входил в моду) по надоевшей дороге не казались такими тоскливыми. В кастрюльках плескался и остывал скучный обед из соседнего дома отдыха.

Все было прекрасно, кроме еды. Как она ненавидела запах супа, пенки на молоке, тягучесть киселя, размякшую кашу да, в общем, почти все, чем кормили и на отдыхе, и дома, и в детском саду, худющую неуклюжую девочку с огромным бантом на торчащих во все стороны черных кудрявых волосах.

Главное насилие детства – еда. Кошмар полной тарелки, которая никак не становилась пустой, и даже отец не стремился встать на защиту. Да разве мог он, переживший не один голод XX века, почувствовать, подступающую к горлу позднего и болезненного ребенка тошноту? Но в этой попытке было свое утешение – истории, заставляющие замирать сердце и открывать рот. Истории, заманчивая прелесть которых заставляла забыть все, даже ненавистный вкус манной каши

Хаим Кабак. Отец героини. 1950 г. Фотография из семейного архива.

Глава 3. Книжная полка

Книги пахли по-разному. Старые – пылью и засушенными между страниц листами забытого гербария, новые – черными буквами типографской краски, любимых запахов детства было три: книг, мандаринов – из мешочка Деда Мороза на Новый год и шоколадных конфет «Мишка на Севере» – из того же мешочка.

Бесконечный диатез не позволял баловать единственного ребенка шоколадом и мандаринами, строгий запрет переставал действовать лишь раз в году. Проснуться рано утром, залезть на четвереньках под елку, нащупать в алом атласном мешочке пупырчатость мандариновой корки, присоединить к ней гладкость конфетной обертки, а затем со всем этим богатством оказаться на старом диване и погрузиться в новую книгу – яркие картинки, лощеные страницы, неведомые истории.

Очень долго, до начала самостоятельной жизни, новая книга оставалась для нее праздником, праздником, ради которого можно было пойти на все, даже на обман.

Сколько раз толстая обложка очередной истории предательски выглядывала из-под надоевшего учебника.

– Чем ты занята?

– Да уроками, конечно, так много задали.

Что же говорить о бесконечных бессонных ночах. Ура, из соседней комнаты доносится сонное дыхание взрослых, и, наконец, можно включить настольную лампу и читать, читать, пока за окном не начнет светать. Ну и черт с ним, что сон длился два часа, что нет сил подняться и идти в школу, зато волшебная ночь чтения осталась самым ярким воспоминанием и спустя несколько дней ее, возможно, удастся повторить.

Толстые стекла очков оказались платой за это безумство – одно из немногих безумств в ее жизни.

Все эти, да и многие другие печали и радости ждали девочку в неведомой перспективе школьных лет, а сейчас мы оставим ее на старом диване с книгой на коленях – маленького человека у книжной полки морозным утром, вкус которого она сохранит на всю жизнь.

Точнее – на множество жизней, имевших свои означенные границы. Движение по ступенькам, первая из которых могла называться – мама.

Глава 4. Мама

Глаза, руки, запах, голос матери – сколько сентиментальных и натуралистических, романтических и реалистических текстов можно найти на эту тему в мировой литературе... Молчанием, расплывчатым пятном, очертанием в тумане памяти, незнакомо-пугающим в нелепом больничном халате, пытающимся обнять, опереться, задержаться на грани этого мира образом... Сплошные многоточия, обозначающие женщину, давшую жизнь.

Затем уже взрослой, вглядываясь в фотографии, она видела огромные глаза, кудрявые волосы, тонкую талию и невольно смотрелась в зеркало, пытаясь уловить сходство. С годами родовые черты проступали ярче, на смену отрицанию нелепого, под влиянием минуты сделанного шага, приходило и понимание и прощение. Боль сиротства ушла на задний план, откатилась морским приливом, обнажив сочувствие и редкие камушки счастливых моментов. Возможно, в глубинах памяти их было больше, но песок времени, тина времени, ржавчина времени – покрывают, затягивают и разъедают минуты, часы и годы раннего детства.

Роза Кабак (Чунц). Мать героини. Конец 50-х годов XX века. Фотография из семейного архива.

Мама была связана с множеством вещей, красивых, шуршащих, блестящих и пахнущих на туалетном столике в спальне. Флакон духов «Красная Москва» с резким чуть пряным запахом и тугой неподдающейся пробкой; пудра, рассыпающаяся легким облаком в момент открытия круглой нарядной крышки; тюбики губной помады; театральная сумочка, пушисто-кудрявая каракулевая муфта, брошь и кольцо – загадочный мир женской красоты, притягивающий маленькую девочку. Все это можно было рассматривать и щупать, нюхать и осваивать, пока мама возилась на кухне или развешивала белье во дворе. Девочку не ругали за рассыпанную пудру или испорченную помаду, она любила изучать взрослый мир сама, без свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.